

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ

Наталья Владимировна Панкевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
n.pankevich@yandex.ru

Получена 05.10.2023.

Поступила после рецензирования 24.10.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Панкевич Н. В. Международное правосудие: проблема политической субъектности и кризис легитимности // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 139–161. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_139

Аннотация

Кризисный характер современного мирового политического устройства, который сопровождается ослаблением координационного и регулятивного потенциала международных институтов, становится предметом не только научной рефлексии, но и проблемой, требующей практических решений. В статье исследуется один из аспектов данного кризиса, связанный с системной утратой международными судебными регуляторами качества легитимности, что напрямую влияет на их возможности осуществлять свои функции, объединять и направлять усилия мирового сообщества, вносить вклад в становление системы общечеловеческих ценностей и универсальных правовых норм. Рассмотрены основные подходы к анализу социальной природы феномена легитимности международных регуляторов, источников и факторов, определяющих ее устойчивость. Предложено исследовать данный феномен как качество институтов, возникших и функционирующих в соответствии с принципами международной системы. Установлены проблемные паттерны в работе институтов международного правосудия, связанные с инструментализацией их деятельности

© Панкевич Н. В., 2023

доминирующими центрами в рамках интеграционных объединений, а также с трансформацией международных судебных органов во властную инстанцию, демонстрирующую тенденцию к превосхождению государств. На основе анализа решений европейских международных судов выделены организационные практики и структурные инновации, обеспечивающие возможность подобной трансформации. Исследован конфликт судебных практик с ключевыми ценностями международной системы, включая равенство государств, уважение к их конституционной идентичности, функциональное разделение властей. Оценен деформирующий потенциал подобного дрейфа, ведущий к быстрому распространению оградительных реакций со стороны государств и деградации международной среды. В завершение предложены некоторые направления коррекции статуса институтов международного правосудия.

Ключевые слова:

международная система, государственный суверенитет, центральность государства, международная юстиция, легитимность международных организаций.

UDC 327.7+341.645.5

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_139

INTERNATIONAL JUSTICE: THE PROBLEM OF POLITICAL ACTORNESS AND THE CRISIS OF LEGITIMACY

Natalia V. Pankevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
n.pankevich@yandex.ru

Received 05.10.2023.

Revised 24.10.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Pankevich, N.V. (2023). International justice: The problem of political actorness and the crisis of legitimacy. *Discourse-P*, 20(4), 139–161. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_141

Abstract

The current stage in the development of the world political system is frequently described as a crisis, which is accompanied by the weakening of the coordination

and regulatory potential of international institutions. This situation is not only a subject of scientific reflection but also a problem requiring practical solutions. The article examines one of the aspects of this crisis associated with the systemic loss of legitimacy by international judicial regulators. This deficit directly impacts their ability to fulfill their functions, unite and direct the efforts of the world community, and contribute to the formation of a system of universal values and legal norms. The article considers the main approaches to the analysis of the social nature of legitimacy at the international level, examines sources and factors determining its stability. It is proposed to study this phenomenon as the characteristic of institutions that have arisen and function in accordance with the principles of the international system. The analysis establishes the problematic patterns in the work of international justice connected to the instrumentalization of their activities by dominant centers within the framework of integration associations, as well as with the transformation of international judicial bodies into an authority that demonstrates a tendency to surpass states. Based on an analysis of the decisions of European international courts, organizational practices and structural innovations facilitating this transformation are highlighted. The article uncovers the conflict of judicial practices with the key values of the international system, such as equality of states, respect for their constitutional identity, and the functional separation of powers. The damaging potential of this drift, leading to the rapid spread of protective reactions by states and the degradation of the international environment, is estimated. The article concludes by proposing some possible policy directions to correct the status of the institutions of international justice.

Keywords:

international system, state sovereignty, centrality of the state, international justice, legitimacy of international organizations.

Введение

Интеграционная динамика международной системы конца XX – начала XXI вв. открыла широкие перспективы для автономизации международных организаций по отношению к своим учредителям. За счет организационных новаций стала возможной коммерциализация их собственной экспертной и аналитической деятельности, привлечение средств третьих лиц и организаций, что усиливает самостоятельную ресурсную обеспеченность. Как результат, в ряде случаев трансферты со стороны государств-учредителей составляют лишь около половины всех поступлений в бюджет (Lall, 2017). Сегодня многие международные организации также получили возможность формировать институциональные партнерства с негосударственными и частными акторами, на которые они могут опираться в реализации своих функций. Однако эмансипация отнюдь не ограничивается ростом самодостаточности, которая может даже приветствоваться государствами, поскольку способствует аккумуляции больших ресурсов для выполнения поставленных задач.

Сегодня данный процесс приобретает новое проблемное качество. В рамках международных организаций формируется тенденция к трансформации в надгосударственную властную инстанцию в собственном качестве. Крупнейшее свидетельство этого тренда – институционализация в рамках конвенций и договоров и формирование в структуре практически каждой международной организации специализированных органов, осуществляющих судебные функции и принимающих решения, обладающие для государств-участников обязывающим характером¹. Вариантом подобного развития является обязательство договаривающихся сторон разрешать споры в уже действующих международных судебных инстанциях².

Традиционно в рамках международной системы судебная отрасль обладает высоким институциональным престижем и доверием. После Второй мировой войны возникает широкий консенсус государств о ее беспрецедентно высоком потенциале в деле восстановления и реабилитации политической системы после ее глобального краха в ходе войны, обеспечения ее легитимности и утверждения на общечеловеческих ценностных началах (Вахрушева, 2020). Однако с течением времени наделение международных судебных регуляторов компетенцией выработать субординирующие решения привело к существенному усилению их системного статуса и по отношению к каждому государству-участнику, и обществу государств-учредителей в целом. В своем развитии международные судебные институты развивают способность к глубокому воздействию на внутреннее политическое и правовое пространство государств. Их решения приобретают не только локальный характер, связывающий стороны конкретных споров и способствующий восстановлению их интересов, но требуют от государств коррекции отдельных правовых норм, равно как и крупных институциональных и правовых реформ. Зачастую такое воздействие приобретает характер правового транспланта и обладает дестабилизирующим потенциалом в отношении местных правовых систем (Teubner, 1998).

В результате международные трибуналы, суды и судебные инстанции выходят далеко за пределы роли, отведенной им ст. 33 Устава ООН как органам мирного разрешения споров между государствами. В этом свете они становятся одной из важнейших институциональных площадок, где происходит апробация новых подходов к глобальному перераспределению властных полномочий и компетенций по регулированию социальных и экономических процессов.

¹ См., напр.: European Convention on Human Rights (1950, November 4). Art. 46. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng; United Nations Convention on the Law of the Sea (1982, December 10). Annex VI. Statute of the International Tribunal for the Law of the Sea. Art. 33. United Nations. Retrieved September 30, 2023, from https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/annex6.htm

² См., напр.: *Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part* (2014, March 21). Art. 322.2. EUR-Lex. Retrieved September 30, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=C ELEX%3A22014A0529%2801%29>

Последние три десятка лет в данной сфере наблюдается устойчивая учредительная активность универсального и регионального охвата. В это же время исторические институты, заложенные в послевоенный период, пережили своего рода ренессанс, который сопровождался кратным увеличением их производительности. Если с момента фактического начала работы в 1959 г. и до 1998 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) принял в работу около 45 тыс. заявлений и вынес 837 решений³, то в последнее десятилетие суд принимает ежегодно по допущенным к рассмотрению заявлениям от 800 до 1,5 тыс. содержательных решений⁴. Та же динамика характеризует Суд Европейского союза, который за двадцатилетний период фактически удвоил свою производительность⁵. Также увеличивается готовность судебных регуляторов к реализации своих полномочий по существу. Если в течение первых тридцати лет своего функционирования Международный суд ООН указывал на отсутствие юрисдикции практически в четверти всех проведенных процессов, то сегодня его активность в межгосударственных спорах существенно повышается.

Кроме того, формируется и функционирует целый ряд действующих временно (до момента исполнения мандата) специализированных органов международного правосудия, задачей которых является разрешение конфликтов в посткризисных и поствоенных ситуациях. Примером подобного регулятора является Компенсационная комиссия ООН, ответственная за рассмотрения дел о возмещении ущерба, причиненного частным лицам и организациям в ходе конфликта между Ираком и Кувейтом. Особый фонд для решения этой задачи формируется из отчислений на экспорт иракской нефти и нефтепродуктов. Первоначальная квота в 30 % отчислений от экспортных доходов, установленная в 1991 г.⁶, со временем сократилась и в настоящее время, когда в исполнении остается лишь одно решение, сохраняется на уровне 5 %.

Приведенный пример показывает, во-первых, насколько значимым может быть принудительное действие решений международного судебного учреждения, выводящих из-под эксклюзивного контроля государства треть его

³ ECtHR overview 1959–2019 (2020, February). P. 4. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592019_ENG.pdf

⁴ Annual report 2022 of the European Court of Human Rights (2023). P. 141. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual_report_2022_eng-2

⁵ Annual report 2022. Statistics concerning the judicial activity of the Court of Justice (2022). P. 22. *Court of Justice of the European Union*. Retrieved September 30, 2023, from https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2023-03/stats_cour_2022_en.pdf

⁶ United Nations Security Council Resolution 705 (1991, August 15). Art. 2. *United Nations Compensation Commission*. Retrieved September 30, 2023, from [https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20\[1991\].pdf](https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20[1991].pdf); United Nations Security Council Resolution 1956 (2010, December 15). Art. 3. *United Nations Compensation Commission*. Retrieved September 30, 2023, from [https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-1956%20\[2010\].pdf](https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-1956%20[2010].pdf)

основной ресурсной базы, в условиях, когда его бюджет критически зависим от нефтедобычи. И, во-вторых, что коллективную ответственность по решениям международных судебных регуляторов несет отнюдь не только актуально действующее правительство страны или «режим», но все политическое сообщество в совокупности его членов. Причем эта ответственность может связывать и далеко отстоящие от конфликта будущие поколения.

Представительное количество инстанций международного правосудия вполне зрело заявляет свои амбиции к трансформации в политически и административно значимую силу. Даже наиболее сильные игроки международной системы периодически вынуждены подчиниться решениям, выработанным в органах международного судебного регулирования, даже несмотря на очевидную оппозицию им по экономическим или идеологическим мотивам. Пример гармонизации норм законодательства США, которые регулируют до 90 % всего импорта и таможенных пошлин страны и таким образом оказывают критически важными для поступления налогов от трансграничной торговли в госбюджет, с решениями специализированного судебного органа ВТО (Conti, 2016, pp. 173–174) дает представление о том беспрецедентном уровне влияния, который достигнут судебными регуляторами наднационального уровня к настоящему времени.

Судебные регуляторы и оградительные стратегии государств

Укрепление разветвленной системы наднационального судебного регулирования позволяло ряду исследователей выдвигать тезис о смене ключевой парадигмы в организации мирового политического пространства как системы, где государство утрачивает свою центральность и становится в лучшем случае одним из многих участников мировой политики (Stephen & Zürn, 2014). Однако в течение относительно небольшого периода мы стали свидетелями радикального разворота, вносящего новые тенденции в развитие мирового политического устройства.

Симптоматика нового тренда обширна и затрагивает широкий спектр регионов, а также профилей регулирования. К настоящему времени известен целый ряд крупных конфликтов между наднациональными регуляторами и государствами-участниками в самых различных сферах – от политических союзов с универсальным профилем регулирования до узкоспециализированных (в области международного спорта, здравоохранения и др.). Многие из них вели к прекращению государствами бюджетного донорства, приостановке работы делегаций, а также к разрыву отношений – временному или постоянному. Накоплен немалый объем прецедентов (более 150) выхода государств из международных торговых соглашений с пиковыми значениями в последнее десятилетие (Daigle et al., 2019, p. 6).

Обращает на себя внимание также и в полной мере осознанная оградительная политика государств в отношении международных трибуналов, учитывающая способность «вскрытия» национальных режимов судебными

инстанциями международного уровня⁷. Крупным событием такого рода стал выход США (равно как и ряда африканских стран) из-под юрисдикции Международного уголовного суда (МУС). В отношении этой инстанции РФ уже в 2016 г. предприняла не столь медийно эффектный, но от того не менее значимый шаг, приняв решение не ратифицировать соответствующие международные договоренности⁸. Время доказало обоснованность данного решения в связи с радикализацией политических амбиций суда в ходе украинского конфликта. Выдача МУС ордера на арест российского Президента, даже не будучи прецедентным, является очевидным свидетельством нарастания конфликтности между решениями судебных инстанций и ключевыми принципами международной системы.

Региональный опыт представлен выходом Тринидада и Тобаго и Венесуэлы (в 1998 и 2012 г. соответственно) из-под юрисдикции Межамериканского суда по правам человека, Турции – из Стамбульской конвенции Совета Европы о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин. Существенное значение имеет оградительный вектор в политике Китая. В 2023 г. обновленный подход к возможностям страны в условиях возможного экономического и политического противостояния с другими участниками международного сообщества и их объединениями получил законодательное оформление⁹.

В РФ проблема активно обсуждается в ключе противостояния повреждающему вмешательству наднациональных инстанций, в том числе судебного характера, во внутривнутриполитическое и правовое пространство. Данная позиция нашла отражение в публичных комментариях судей¹⁰, решениях Конституционного суда РФ¹¹, федеральных законах¹² и в своем апогее стала частью конституционной

⁷ Report of the U.S. State Department's Commission on Unalienable Rights (2020). P. 51, 55. *U.S. Department of State*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Report-of-the-Commission-on-Unalienable-Rights.pdf>

⁸ Распоряжение Президента РФ № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» (2016, 16 ноября). *Президент России*. Взято 30 сентября 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41387>

⁹ The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China (2023, June 28). Arts. 31–33. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. Retrieved September 30, 2023, from http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2023-06/28/c_898457.htm

¹⁰ Зорькин В. Предел уступчивости (2010, 28 октября). *Российская газета*. Взято 30 сентября 2023, с <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П (2015, 14 июля). П. 1, 2.2, 4. *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018>; Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П/2016 (2016, 19 апреля). *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201604220012>

¹² Федеральный конституционный закон № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» (2015, 14 декабря). Ст. 3.2. *Официальное опубликование правовых актов*. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201512150010>

реформы, которая производит принципиальную ревизию соотношения национальных и внешних регулятивов¹³. В условиях обострившегося противостояния с западными странами РФ продолжает системные действия по «репатриации» полномочий, переданных ранее в международные инстанции. Осуществляется последовательная ревизия значительного списка международных конвенций на соответствие интересам и ценностям российского государства и общества.

В совокупности подобные явления дают представление о набирающем силу векторе в мировой политике. Тот факт, что выход государств из одного союза или конвенции отнюдь не всегда предполагает замену на другой, более удобный или ценностно близкий, позволяет утверждать, что в данном поле ресурс легитимности теряют отнюдь не конкретные международные организации и не отдельные типы регуляторов. Проблема гораздо шире и принципиально затрагивает международное правосудие как приемлемую форму регулирования в целом.

Учитывая системный характер подобной динамики, представляется необходимым установить причины утраты легитимности международными регуляторами и возможности восполнения этого ресурса, который определяет их способность к эффективной координации, ценностному сплочению и кооперации государств на наднациональном уровне. Даже если интересы тех или иных участников международного режима ситуативно оказываются ущемлены. Подобное знание имеет прикладное значение для будущего строительства международных институтов, более экологично и функционально вписывающихся в структуру международной системы.

Легитимность международных судебных регуляторов

В отношении международных организаций и особенно их специализированных ответвлений, принимающих обязывающие государства решения судебного характера, существующий анализ феномена легитимности обладает очевидной неполнотой. Современная дискуссия практически не выходит за рамки критериев, характеризующих качество управления на государственном уровне, – эффективности достижения целей, демократического участия, соответствия деятельности установленным процедурам и правилам (Lake, 2010). Представляется, что данная стратегия не является оптимальной. Легитимность инстанций международного правосудия определяется сложным комплексом факторов и имеет двойственную обусловленность, связанную, во-первых, с их общим статусом в системе международных отношений, во-вторых, со специализированными требованиями в отношении инстанций, реализующих функцию правосудия.

¹³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (2020, 14 марта). Официальное опубликование правовых актов. Взято 30 сентября 2023, с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>

В рамках исторически сложившейся международной системы любые инстанции наднационального уровня необходимо вызревают внутри институциональных условий, кодируемых государством. В этом смысле международные организации в целом испытывают дефицит собственных нарративов для утверждения своей легитимности (Rixen & Zangl, 2013). Будучи всегда намеренно конструируемыми, производными от консенсуса государств, международные институты не могут опереться на традиционные источники легитимности, связанные с традицией, хабитуацией, безусловным нерелексивным подчинением, качеством лидерства. В свою очередь, их специализированные ответвления становятся продуктом своего рода двойного делегирования – в рамках передачи полномочий для выполнения конкретного объема задач в международную организацию и далее в специализированный институт внутри нее. Следовательно, не могут они напрямую задействовать и ресурс общности и солидарности политического сообщества или накопленный запас общественного доверия их экспертным знаниям и навыкам.

Поэтому содержательной основой легитимации становится, как правило, апелляция к технократическим обоснованиям того, что в рамках автономных, обладающих специализированным знанием, незаинтересованных инстанций на страже коллективного блага сообщества государств-участников вырабатываются наилучшие решения общих проблем, что способствует снижению транзакционных издержек для каждого отдельного участника международного союза (Pouliot, 2021). В этом смысле предполагается, что наднациональные институты представляют собой специфическую надстройку в системе международного управления – эпистемную власть (Fioretos & Tallberg, 2021), суммирующую консенсусные представления государств о ценностях, нормах и предпочтительных режимах их обеспечения. Однако подобная аргументация сегодня перестает быть удовлетворительной в свете накопления массивного опыта издержек, связанных с частичным выполнением или отказом государств от выполнения судебных решений, явно и чрезмерно превышающих коллективную выгоду.

Важно также, что в существующей литературе легитимность международных регуляторов анализируется преимущественно в традициях социологического подхода и потому определяется как более или менее согласованный набор убеждений или даже верований, характерных для определенных экспертных (Tallberg & Zürn, 2019) и массовых (Voeten, 2013) аудиторий о том, что делегированная на международный уровень функция осуществляется эффективно в соответствии с предписанными мандатом, процедурами и протоколами.

Проблемой здесь является даже не столько отсутствие обязательной причинно-следственной связи между убеждениями и фактами, фиксирующими реальное поведение наднационального органа. Подход, ставящий коммуникацию во главу угла проблемы легитимности международной судебной инстанции, неизбежно политизирует отношения в данной чувствительной области. Обращаясь к поддержке массовой аудитории, международные организации вполне могут формировать конфликтные линии с государствами-учредителями и способствовать обострению внутривнутриполитических размежеваний, что резко контрастирует

с целевой функцией нейтрального поиска решения для смягчения и устранения конфликтов. Принципиально и то, что если легитимность возникает как результат конкурентной коммуникации, то она не может быть измерена в нормативном ключе как качество институтов, возникших и функционирующих в соответствии с определенными принципами (Кузнецова, 2011).

Контестация легитимности международной судебной инстанции происходит в ситуации, когда глобальные институты представляют ценности, нормы и практики, которые приобретают властные качества по отношению к государствам, но при этом противоречат самой конституции существующей мировой политической системы. Так, стремление ряда международных инстанций к нормативному предпринимательству очевидно превосходит их реальную способность к властному действию. Последняя остается производной от создания государствами своего рода пулов коллективной власти и согласованной воли (Петрова, 2018, с. 141), цепочек взаимного влияния (Conti, 2016), наличие которых и создает ресурс, необходимый для того, чтобы декларированное обязывающее решение обрело де-факто принудительную силу. Но это означает лишь что вопрос о легитимности вытесняется вопросом об инструментальной оснащенности своего рода многостороннего брокеража, в ходе которого именно государства обеспечивают совпадение юридических определений международного уровня и последующих политических решений по их реализации на внутривнутриполитическом уровне.

Представляется, что в сложившихся условиях необходимо универсализирующее обсуждение социетальных оснований легитимности международных регуляторов в принципе. Современная ситуация позволяет нам рассматривать легитимность институтов международного уровня не как коммуникативный факт и не как проблему сбоев в работе конкретного органа, а в нормативном измерении должного качества наднационального регулятора, действующего в международной системе – возможности его действия в рамках соответствующей функциональной ниши. Иными словами, в этом секторе вопрос легитимности является одновременно вопросом о властной дисперсии в глобальном измерении, сочетаемости международного правосудия с ключевыми принципами невмешательства и государственного суверенитета. Именно эти крупнейшие институциональные комплексы продолжают оставаться стержневыми ценностями и организующими началами мирового порядка. Они же подвергаются системной компрометации в деятельности международных судебных регуляторов.

Проблемные паттерны: международное правосудие и равенство государств

В контексте рассматриваемого вопроса в деятельности международных регуляторов постоянно возникают два проблемных паттерна, которые напрямую ведут к делегитимации их отдельных решений, деятельности в целом и в перспективе к возникновению стойких оградительных реакций со стороны государств-участников. Первый тип ситуации возникает, когда активность

международной судебной инстанции нарушает принцип равенства государств и начинает формировать дисбаланс в пользу отдельных акторов, доминирующих в союзе, или более узких группировок в рамках объединения.

При возникновении этой проблемы международная организация из диалоговой площадки или центра координации превращается в проводника национальных (или более узких секторальных или элитных) интересов одного из участников. В случае международного правосудия этот дефект приобретает особое звучание именно в силу высокой проникающей способности решений в национальные правовые контексты. Здесь судебный регулятор становится одним из возможных инструментов прожектирования власти доминирующего актора на внешнеполитической арене.

В условиях высокой связности международной среды рутинные практики судопроизводства как процесса, ориентированного на создание нормализованного правового пространства, совершенно очевидно направлены на субординацию отдельных государств по отношению к нормам доминирующего в интеграционном объединении центра. Развитие в данном ключе, в частности, характеризует ЕСПЧ и Суд ЕС, что привело первую инстанцию к фактическому обретению статуса «конституционного суда Европы» (Greer & Wildhaber, 2012, p. 655), а вторую сделало «юридически самоуправляющейся инстанцией» (Azoulaï & Raspača, 2016, p. 169). С такой оценкой вполне можно согласиться, учитывая основополагающий характер прав человека для всей политической структуры ЕС и его самопонимания как рыночной демократии (Streeck, 2011).

В случае ЕСПЧ основная функциональная операция – интерпретация объема и содержания прав человека единообразно для всех стран-участниц, т.е. согласно ст. 32 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) – становится одним из важнейших политически значимых механизмов (Карпович, 2020). Очевидно, что в современной ситуации существуют серьезные страновые различия, определяющие ключевые параметры взаимодействия общества и государства, номенклатуру и объем прав личности, специализированные правовые стандарты и т.д. К тому же это разнообразие растет одновременно с расширением географического охвата действия судебной инстанции. Так, взрывному росту количества обращений в ЕСПЧ весьма способствовало присоединение к ЕКПЧ ряда постсоветских стран, включая ратификацию конвенции РФ в 1998 г.¹⁴ В совокупности такое присоединение включило в сферу достижимости суда около 800 млн потенциальных заявителей из 47 стран. При этом наибольшее число новых дел поступало из юрисдикций за пределами ЕС с абсолютным лидерством западных стран¹⁵.

Работа с обращениями из стран с нетипичными для западных государств повестками прямо содействовала становлению ЕСПЧ в качестве провайдера «продвинутых стандартов и ценностей» демократии и рынка в их западном

¹⁴ С 16 сентября 2022 г. РФ перестала быть участником ЕКПЧ.

¹⁵ Annual report 2022 of the European Court of Human Rights (2023). P. 140. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/annual_report_2022_eng-2

понимании во внешних ареалах. Учитывая влияние ЕС на обширную периферию в лице стран-кандидатов, которым предписаны обширные программы адаптации их правовых систем к нормам ЕС, а также в рамках соглашений о сотрудничестве, создании зон свободной торговли и политико-экономически мотивированных соглашений об ассоциации, судебное действие становится определяющим фактором правового и институционального развития для целого ряда сопредельных стран Средиземноморья и Восточной Европы.

Осознание ЕС себя в качестве нормативной державы, экспортирующей превосходящие нормы за пределы своих границ, здесь отнюдь не случайно. В этой динамике европейская судебная система становится одним из двигателей отчетливо имперского проекта развития. Нормы ЕС, регулирующие хозяйственные и социальные процессы, посредством судебных решений укореняются вне парламентского согласования в национальном праве «стран-мишеней», а функция разрешения конфликтов оказывается локализована исключительно в европейских судебных инстанциях¹⁶. Одновременно отсутствие лояльности к судебным решениям может результировать в отказе компаниям из-за пределов ЕС в доступе на европейские рынки или предоставлении льготных кредитных линий, а также в отзыве определенных привилегий для граждан (безвизовых режимов или преимущественных режимов трудоустройства).

Проблемные паттерны: проблема суверенитета в международном судебном процессе

Рассмотренная ситуация имеет повреждающее влияние, поскольку, смещая баланс сил в пользу отдельного участника, международные судебные инстанции теряют свое целевое качество арбитра и становятся одним из многих инструментов «реальной политики» в рамках международной системы. Однако данный аспект отнюдь не исчерпывает глубины проблемы соответствия действий наднациональных регуляторов принципам международной системы. Ситуация инструментального использования судебной инстанции доминирующим центром связана с конкуренцией государств внутри международной системы и является по большей мере проблемой принципала, а не агента, реализующего делегированную функцию.

Примечательно, однако, что санкционированное доминирующим актором давление на периферию одновременно снабжает суды также и необходимыми рычагами правового воздействия и на сам центр. В случае Евросоюза ЕСПЧ и Суд ЕС начинают формировать собственное понимание основных смысловых комплексов современной системы права. Суды стремятся создать новое панъевропейское содержание таких базовых, но и различных для отдельных юрисдикций

¹⁶ См., напр.: *Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part* (2014, March 21). Art. 67.3, 153.2, 322.2. EUR-Lex. Retrieved September 30, 2023, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22014A0529%2801%29>

правовых комплексов, как собственность и имущественные права¹⁷, гендерное равенство и дискриминация по половой принадлежности¹⁸, всеобщее активное право на участие в политической жизни, распространяя его на специфические контингенты, пораженные в политических правах¹⁹, и т.д.

Такое положение определяет возможность важного эволюционного скачка и фактически делает неизбежным второй проблемный паттерн деятельности международных судебных инстанций. Он имеет критическое значение, поскольку связан с нарастанием собственно трансформативного действия международных судебных инстанций, которые не только приобретают большую независимость от учредителей и способность атаковать принципы равенства государств, но и изменять структуру международного режима, укореняя себя в социальных контекстах «вне государства».

Революционная трансформация, создающая принципиально новый контекст деятельности международных судебных органов, связана с достаточно поздней институциональной новацией – массивным вовлечением в орбиту деятельности представительного числа международных судебных инстанций индивидов и частных субъектов в качестве инициаторов слушаний против государств. Например, в случае с ЕСПЧ такая практика стала возможной в 1990-е гг. с принятием Протокола №9 к соответствующей Конвенции²⁰.

Наиболее отчетливо данный процесс наблюдается в секторе международной юстиции со специализацией в области прав человека, в том числе в их экономическом понимании. Международный консенсус о том, что обязательства «защиты всех прав человека и основных свобод для всех в соответствии с Уставом ООН» являются «священным долгом государств»²¹, создает среду,

¹⁷ Case of Broniowski v. Poland (2004, June 22). §129–133. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-61828%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-61828%22]%7D)

¹⁸ Case of Konstantin Markin v. Russia (2012, March 3). §124–128. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:\[%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:[%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22]%7D)

¹⁹ Case of Anchugov and Gladkov v. Russia (2013, December 9). §93–100. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-122260%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-122260%22]%7D); Case of Hirst v. United Kingdom (No. 2) (2005, October 6). § 56–84. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-70442%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-70442%22]%7D)

²⁰ Protocol No. 9 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (1990, November 6). Art. 3. *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Library_Collection_P9_ETS140E_ENG

²¹ Vienna Declaration and Programme of Action (1993, June 25). Art. 1. *UN Human Rights Office*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action>

в которой индивидуальный поиск справедливости на надгосударственном уровне, который принципиально может предпринять каждый, радикально расширяет арену действия международного правосудия.

Задействуя расширенное понимание международной среды, суды и трибуналы могут вполне успешно становиться на путь эмансипации как инстанции, превосходящие своих учредителей в интересах более широкого сообщества, выходящего далеко за фиксированный круг государств. Новая системная позиция судебных органов позволяет им черпать ресурсы легитимности непосредственно в общественных отношениях, локализованных за пределами государственных аппаратов, и одновременно находить рычаги властного действия и принудительности своих решений в рациональном самоограничении государств.

Важным индикатором укоренения регуляторного потенциала международных судов в новой структуре отношений между индивидами и государствами является тенденция к преобладанию дел, инициированных частными лицами. В ЕСПЧ даже ставшие достаточно редкими межгосударственные дела²² легитимируются обязанностью государств защищать индивидуальные права и свободы и реабилитировать жертв несправедливости²³. В других случаях межгосударственный характер иска на деле скрывает его первично частную природу. Таков иск Лихтенштейна против Чехии, в рамках которого правящий дом стремится вернуть земли, утраченные по итогам Второй мировой войны²⁴. Специфичное для данной ситуации совпадение частного и публичного статуса заявителей, среди которых правящий князь микрогосударства, вряд ли позволяет квалифицировать характер иска как в чистом виде межгосударственный.

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий уровень значимости потенциальных решений. Речь идет далеко не только о реабилитации индивидов и присуждении компенсаций в монетарном виде. Сфера, которая подпадает под действие международных судов, радикально расширяется. Сегодня, когда в силу Хельсинкского заключительного акта 1975 г. пересмотр государственных границ в Европе невозможен, переосмысление сути конфликта не как межгосударственного территориального спора, но как дела о реституции неправомерно конфискованной частной собственности, не затрагивающего открыто вопросы территориального состава государства, теоретически может открыть

²² На 2023 г. список межгосударственных дел, размещенный на сайте ЕСПЧ, содержит 35 позиций. См.: *Inter-State applications. European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.echr.coe.int/inter-state-applications>

²³ См., напр.: *The Netherlands v. Russia. The inter-State application no. 28525/20 (2020, July 10). HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:\[%22003-6748208-9004448%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:[%22003-6748208-9004448%22]%7D)

²⁴ *Liechtenstein v. the Czech Republic (2020, August 19). European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.echr.coe.int/inter-state-applications>

новую страницу в пересмотре отдаленных последствий Второй мировой войны. И одновременно поставить еще более фундаментальный вопрос о компромиссе государственного суверенитета с суверенитетом индивида как носителя все большего объема неотчуждаемых, гарантированных и универсально признаваемых прав (Ковлер, 2016).

Обогащенный прививкой частного начала и индивидуального действия контекст позволяет судам отказываться от привычной сдержанности в отношении государств, которые становятся стороной в состязательных слушаниях. В процедурном плане это предполагает постепенное замещение функции интерпретации правовых норм функцией их формулирования в виде общих стандартов, релевантных для всех государств в составе соответствующих объединений. При этом стратегическая ориентация суда на функционирование в логике корректирующей справедливости, т.е. реабилитации конкретных индивидов и организаций, постепенно уступает место прямому нормированию. В случае ЕСПЧ данная стратегия, основываясь на ст. 46.1 ЕКПЧ²⁵, корреспондирует с практикой принятия так называемых декларативных решений. В этом смысле судебные инстанции начинают выступать в несвойственной им роли нормотворческой инстанции. Например, в случае одностипных повторяющихся нарушений режима частной собственности в Польше²⁶, системных дефектов уголовного законодательства в Италии²⁷. Среди требований суда могут быть названы локальные действия: освобождение из-под стражи²⁸, возвращение объекта частной собственности или справедливая компенсация понесенного ущерба²⁹, восстановления лица в должности³⁰. Но также возможны и более интенсивные вторжения во внутренний правопорядок в виде требований о внесении изменений в действующее законодательство, включая указание конкретных положений национальных законов,

²⁵ European Convention on Human Rights (1950, November 4). *European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_eng

²⁶ Case of Broniowski v. Poland (2004, June 22). §129–133. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-61828%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-61828%22]%7D)

²⁷ Case of Sejdovic v. Italy (2006, March 1). *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:\[%22002-3440%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:[%22002-3440%22]%7D)

²⁸ Case of Mammadov v. Azerbaijan (2019, May 29). § 195. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-193543%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-193543%22]%7D)

²⁹ Case of Mifsud and others v. Malta (2020, October 13). § 118–119. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:\[%2238770/17%22\],%22itemid%22:\[%22001-204991%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22:[%2238770/17%22],%22itemid%22:[%22001-204991%22]%7D)

³⁰ В частности, восстановление в должности судьи Верховного Суда. См.: Case of Volkov v. Ukraine (2013, May 27). Resolution, § 9. *HUDOC – European Court of Human Rights*. Retrieved September 30, 2023, from [https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:\[%22001-115871%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:[%22001-115871%22]%7D)

подлежащих ревизии³¹. При этом заявители могут потребовать от суда вынесения оценки адекватности мер, принятых правительствами на национальном уровне, чтобы выполнить судебное решение³². Данная диспозиция дополнительно стимулирует суд выступать уже не только в роли преемника нормотворческой функции за пределами государства (как в случае эволютивного толкования положений международных договоров), но и в роли внегосударственной надзорной инстанции. Естественным, выход за пределы функциональной ниши порождает сомнения в легитимности подобных практик.

Проблемным пунктом здесь является то, что продуцируемое судебным органом понимание прав человека, их номенклатуры и объема существенно разнится с тем, что подразумевалось основателями соответствующих конвенций. Например, ЕКПЧ в послевоенный период и даже в 1990-е гг., когда к ней присоединилась РФ, не предполагала столь свободное судебное толкование, которое характерно сегодня (Mowbray, 2013). В настоящее время суд использует собственное эволютивное и, как правило, максимально расширительное понимание прав человека, т.е. выходит далеко за текст самой Конвенции (Кривенкова, 2020), самостоятельно переосмысливая ее цели.

Подобный дрейф характерен и для других подобных инстанций. В частности, Европейский суд уже достаточно длительно критикуют как орган, открыто действующий в интересах евроинтеграции (Grimmel, 2018, p. 22) и проявляющий в этом процессе заметный политический активизм, далеко выходя за пределы истолкования правовой нормы и даже переписывая ее (Weiler, 2013, pp. 235, 242–246). Примечательно и то, что в рамках судебного процесса возникает возможность преодолеть обязательный для ЕС в принятии ключевых политических принцип консенсуса государств, представленных их правительственными органами.

Неудивительно, что этот аспект деятельности международных судебных инстанций, который идет вразрез с ценностями уважения к конституционной идентичности государств-участников, встречает открытую критику (Öhlinger, 1990, p. 290), в том числе в конституционных судебных инстанциях центра интеграционных объединений³³. Данная критика формирует достаточно устойчивый консенсус о том, что судебные решения международных судов и трибуналов создают отнюдь не прецеденты права, но лишь прецеденты толкования права (Николаев, Давтян, 2018). Однако даже в ситуации конфликта суды сохраняют представление о превосходстве в данной функциональной области, осознанной

³¹ Case of L v. Lithuania (2007, September 11). Resolution, § 5–6. HUDOC – European Court of Human Rights. Retrieved September 30, 2023, from <https://hudoc.echr.coe.int/#%7B%22itemid%22:%5B%22001-82243%22%7D>

³² См., напр.: Case of De Clerck v. Belgique (2007, September 25). § 96. HUDOC – European Court of Human Rights. Retrieved September 30, 2023, from <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-2521%22%7D>

³³ R (appellants) v the Secretary of State for Transport and another (respondents) (2014, January 22). §170–174. UK Supreme Court. Retrieved September 30, 2023, from <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2013-0172-judgment.pdf>

миссией которого является изменение обществ и управление траекториями их социального и ценностного развития.

Заключение

В совокупности два проблемных паттерна свидетельствуют о радикальной трансформации функциональной роли международных судебных учреждений. Преодоление субсидиарной позиции судами международных организаций выражается в их вторжении в сферы, традиционно являющиеся областью суверенного действия государств, межгосударственной дипломатии или исключительной компетенции национальных законодательных, исполнительных и конституционных судебных органов государств (Гальперин 2020, 46).

Остроту проблемы задает и тот факт, что происходит смена нормативности в деятельности судов, которые согласно своей функциональной специализации должны регулировать споры, руководствуясь юридическими, а не политическими стандартами (Кротов, 2020, с. 33) и тем самым оставаться замкнутыми на применении собственных процедур и функциональных кодов (Grimmel, 2018, pp. 8–10) – права, законности, беспристрастности, нейтральности, что и составляет основу легитимности любого судебного органа (Гальперин, 2020, с. 57). В результате международные судебные инстанции преодолевают свою изначальную специализацию «тонкой» настройки работы общественных систем в собственно правовом процессе и становятся значимым, самоинтересованным и часто агрессивным политическим актором.

Здесь возникает потенциал, способный дестабилизировать всю устоявшуюся систему международного права. Причем это действие имеет двойственный вектор. С одной стороны, способствует становлению одиозного «порядка, основанного на правилах», продвигая интересы претендента на доминирование. С другой – открывает перспективы нормирования внутривнутриполитических процессов внешними инстанциями, которые очевидно не связаны ни представительным характером, ни демократической подконтрольностью, ни, как показывает анализ, даже гарантированной подконтрольностью учредителям. Именно поэтому вопрос о деполитизации как условия преодоления дисфункциональности по крайней мере части подобных инстанций и коррекции их системного статуса деятельности международного правосудия становится одной из центральных проблемных точек современного международного процесса. Значимая часть контекста легитимности международных инстанций правосудия происходит из контекста необходимости соблюдения принципов равенства государств, защиты правового суверенитета и конституционной идентичности государств как общих принципов международной системы.

В этом смысле восполнение ресурса легитимности может быть связано с возвращением инстанций международного правосудия в рамки их исходной функциональной ниши как инстанции разрешения споров. Упомянутая ст. 33 Устава ООН, во-первых, прямо ставит учреждения международного правосудия в ряд иных механизмов разрешения споров, относящихся собственно

к компетенции государств и международных организаций (переговоры, посредничество), во-вторых, наделяет государства по общему правилу возможностью самостоятельного выбора между различными опциями разрешения споров. Концепция усмотрения позволяет государствам рефлексивно учитывать мнение суда относительно режимов и конкретных механизмов защиты норм, прав и интересов во внутреннем пространстве, что предполагает менее обязывающий и скорее рекомендательный характер судебных решений, действующих в рамках международных организаций. Подобная композиция позволяет в полной мере реализовать экспертную функцию судебных учреждений и при этом минимизировать властное измерение в их деятельности.

Проведенный анализ показал, что легитимность деятельности международных судебных инстанций также страдает в результате прямого переноса на них комплексов, характеризующих национальные системы правосудия. На этом уровне окончательность и исполнение решений судебной инстанции являются залогом разрешения конфликта и стабилизации общественных отношений. Однако международная сфера функционирует в иной логике, где организации играют, прежде всего, роль диалоговых площадок и важны именно в этом качестве, открывающем и длительно удерживающем контакт между государствами. В этом смысле нарастание обязательственного характера судебных решений является механизмом, закрывающим коммуникацию. В том случае, если судебное влияние оказывается неприемлемым для государства в идеологическом или ценностном измерении, если оно чрезмерно, политизировано в интересах другого актора или амбиций самого суда, то оптимальным выходом для государства становится разрыв отношений, выход из-под юрисдикции суда и отказ от соответствующих конвенций в полном объеме. Поэтому на международном уровне выполнение правосудием своей функции связано не с окончательностью и принудительностью решений, и судебные инстанции продолжают выполнять важную функцию, даже если не разрешили конфликт, но способствуют процессу его совместного разрешения, поиску общих решений, кристаллизации и согласованию единых норм.

Сегодня, производя ревизию значительного ряда международных конвенций, замораживая или прекращая сотрудничество с организациями, которые утратили свою легитимность, Россия продолжает процесс институционального строительства на международном уровне. Предполагается, что новые институты судебного плана, в том числе аналоги ЕСПЧ, могут появиться на базе ШОС, БРИКС или Евразийского экономического союза³⁴. Учет рассмотренного опыта будет способствовать становлению более функциональных, эффективных и легитимных инстанций правосудия в данной сфере.

³⁴ В России начали создавать альтернативу ЕСПЧ (2022, 2 июня). *РИА Новости*. Взято 30 сентября 2023, с <https://ria.ru/20220602/espch-1792634072.html>

Список литературы

1. Вахрушева, Е. А. (2020). Правосудие переходного периода как концепт и практика: политологический анализ. *Антиномии*, (4), 65–81. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10404>
2. Гальперин, М. Л. (2020). Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия. *Международное правосудие*, (4), 45–58. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58>
3. Карпович, О. Г. (2020). Проблемы неисполнения решений Европейского суда по правам человека: теория и практика. *Международное публичное и частное право*, (4), 17–21. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-4-17-21>
4. Ковлер, А. И. (2016). Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека». *Труды Института государства и права РАН*, (2), 81–88.
5. Кривенкова, М. В. (2020). Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов. *Российский судья*, (9), 41–45. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-41-45>
6. Кротов, А. В. (2020). Теория политической юриспруденции в западном праве. *Российский судья*, (9), 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-31-35>
7. Кузнецова, Е. В. (2011). Концепция легитимности в международном публичном праве. В *Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права* (Вып. 11, с. 52–60). Минск: ФМО БГУ.
8. Николаев, А. М., Давтян, М. К. (2018). Исполнение решений ЕСПЧ и МАСПЧ: сравнительный анализ. *Интеграционное право*, (4), 40–46. <https://doi.org/10.12737/art.2018.4.5>
9. Петрова, Е. А. (2018). Источники легитимности международного права. *Российский журнал правовых исследований*, 5(2), 139–144.
10. Azoulai, L., & Rasnača, Z. (2016). The Court of Justice of the European Union as a self-made statesman. In D. Patterson, & A. Södersten (Eds.), *A companion to European Union law and international law* (pp. 166–178). John Wiley & Sons.
11. Conti, J.A. (2016). Legitimacy chains: Legitimation of compliance with international courts across social fields. *Law and Society Review*, 50(1), 154–188. <https://doi.org/10.1111/lasr.12181>
12. Daigle, B., DeCarlo, S., & LaRocca, G. (2019). When trade agreements end: A survey of cases 1949–2019. *Journal of International Commerce and Economics*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.usitc.gov/publications/332/journals/when_countries_leave_trade_agreements_fta_10_8_2019.pdf
13. Fioretos, O., & Tallberg, J. (2021). Politics and theory of global governance. *International Theory*, 13(1), 99–111. <https://doi.org/10.1017/s1752971920000408>
14. Greer, S., & Wildhaber, L. (2012). Revisiting the debate about ‘constitutionalising’ the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 12(4), 655–687. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngs034>
15. Grimm, A. (2018). Understanding courts in context: On the embeddedness and interaction of judicial bodies in a functionally differentiated world society.

European Review of International Studies, 5(1), 5–27. <https://doi.org/10.3224/eris.v5i1.01>

16. Lake, D.A. (2010). Rightful rules: Authority, order, and the foundations of global governance. *International Studies Quarterly*, 54(3), 587–613. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00601.x>

17. Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. *International Organizations*, 71(2), 245–280. <https://doi.org/10.1017/S0020818317000066>

18. Mowbray, A. (2013). Between the will of the contracting parties and the need of today: Extending the scope of convention rights and freedoms beyond what could have been foreseen by the drafters of the ECHR. In E. Brems, & J. Gerards (Eds.), *Shaping rights in the ECHR* (pp. 17–37). Cambridge: Cambridge University Press.

19. Öhlinger, T. (1990). Austria and article 6 of the European Convention on Human Rights. *European Journal of International Law*, (1), 286–291.

20. Pouliot, V. (2021). Global governance in the age of epistemic authority. *International Theory*, 13(1), 144–156. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000433>

21. Rixen, T., & Zangl, B. (2013). The politicization of international economic institutions in US public debates. *Review of International Organizations*, 8(3), 363–387. <http://dx.doi.org/10.1007/s11558-012-9158-5>

22. Stephen, M.D., & Zürn, M. (2014). Contested world orders. Rising powers, non-state actors, and the politics of authority beyond the nation-state. *WZB Discussion Paper*, No. SP IV 2014-107. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).

23. Streeck, W. (2011). The crises of democratic capitalism. *New Left Review*, (71), 5–29.

24. Tallberg, J., & Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: Introduction and framework. *The Review of International Organizations*, (14), 581–606. <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7>

25. Teubner, G. (1998). Legal irritants: Good faith in British law or how unifying law ends up in new divergences. *The Modern Law Review*, 61(1), 11–32.

26. Voeten, E. (2013). Public opinion and the legitimacy of international courts. *Theoretical Inquiries in Law*, 14(2), 411–436. <https://doi.org/10.1515/til-2013-021>

27. Weiler, J. (2013). Judging the judges – apology and critique. In A. Adams, H. de Waele, J. Meeusen, & G. Straetmans (Eds.), *Judging Europe's judges*. (pp. 235–254). London: Hart Publishing.

References

1. Azoulai, L., & Rasnača, Z. (2016). The Court of Justice of the European Union as a self-made statesman. In D. Patterson, & A. Södersten (Eds.), *A companion to European Union law and international law* (pp. 166–178). John Wiley & Sons.

2. Conti, J.A. (2016). Legitimacy chains: Legitimation of compliance with international courts across social fields. *Law and Society Review*, 50(1), 154–188. <https://doi.org/10.1111/lasr.12181>
3. Daigle, B., DeCarlo, S., & LaRocca, G. (2019). When trade agreements end: A survey of cases 1949–2019. *Journal of International Commerce and Economics*. Retrieved September 30, 2023, from https://www.usitc.gov/publications/332/journals/when_countries_leave_trade_agreements_fta_10_8_2019.pdf
4. Fioretos, O., & Tallberg, J. (2021). Politics and theory of global governance. *International Theory*, 13(1), 99–111. <https://doi.org/10.1017/s1752971920000408>
5. Gal'perin, M.L. (2020). Politizatsiia prava ili legalizatsiia politiki? O justiciability i doktrine “politicheskogo govoprosa” na primere mezhdunarodnogo pravosudiiia [Politicising law or legalising politics? Justiciability and the “political question” on the examples from international justice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, (4), 45–58. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-4-45-58>
6. Greer, S., & Wildhaber, L. (2012). Revisiting the debate about ‘constitutionalising’ the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 12(4), 655–687. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngs034>
7. Grimmel, A. (2018). Understanding courts in context: On the embeddedness and interaction of judicial bodies in a functionally differentiated world society. *European Review of International Studies*, 5(1), 5–27. <https://doi.org/10.3224/eris.v5i1.01>
8. Karpovich, O. G. (2020). Problemy neispolneniia reshenii ESPCh: teoriia i praktika [Issues of the non-fulfillment of judgments of the European Court of Human Rights: The theory and practice]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, (4), 17–21. <https://doi.org/10.18572/1812-3910-2020-4-17-21>
9. Kovler, A. I. (2016). Gosudarstvennyi suverenitet i “suverenitet prav cheloveka” [State sovereignty and “sovereignty of human rights”]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, (2), 81–88.
10. Krivenkova, M.V. (2020). Nepriznanie i neispolnenie reshenii mezhdunarodnykh sudebnykh organov [Non-acknowledgment and non-fulfillment of judgments of international judicial authorities as a right of a state]. *Rossiiskii sud'ia*, (9), 41–45. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-41-45>
11. Krotov, A.V. (2020). Teoriia politicheskoi iurisprudentsii v zapadnom prave [A political jurisprudence theory in the Western law]. *Rossiiskii sud'ia*, (9), 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-9-31-35>
12. Kuznetsova, E.V. (2011). Konceptsiya legitimnosti v mezhdunarodnom prave [The concept of legitimacy in public international law]. In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava* (Iss. 11, pp. 52–60). Minsk: FMO BGU.
13. Lake, D.A. (2010). Rightful rules: Authority, order, and the foundations of global governance. *International Studies Quarterly*, 54(3), 587–613. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2010.00601.x>
14. Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. *International Organizations*, 71(2), 245–280. <https://doi.org/10.1017/S0020818317000066>

15. Mowbray, A. (2013). Between the will of the contracting parties and the need of today: Extending the scope of convention rights and freedoms beyond what could have been foreseen by the drafters of the ECHR. In E. Brems, & J. Gerards (Eds.), *Shaping Rights in the ECHR* (pp. 17–37). Cambridge: Cambridge University Press.
16. Nikolaev, A.M., & Davtyan, M.K. (2018). Ispolnenie reshenii ESPCh i MASPCh: sravnitel'nyi analiz [Execution of judgments of the European Court of Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights: Comparative analysis]. *Integratsionnoe pravo*, (4), 40–46. <https://doi.org/10.12737/art.2018.4.5>
17. Öhlinger, T. (1990). Austria and article 6 of the European Convention on Human Rights. *European Journal of International Law*, (1), 286–291.
18. Petrova, E.A. (2018). Istochniki legitimnosti mezhdunarodnogo prava [The sources of international law legitimacy]. *Rossijskij zhurnal pravovyx issledovanij*, 5(2), 139–144.
19. Pouliot, V. (2021). Global governance in the age of epistemic authority. *International Theory*, 13(1), 144–156. <https://doi.org/10.1017/S1752971920000433>
20. Rixen, T., & Zangl, B. (2013). The politicization of international economic institutions in US public debates. *Review of International Organizations*, 8(3), 363–387. <http://dx.doi.org/10.1007/s11558-012-9158-5>
21. Stephen, M.D., & Zürn, M. (2014). Contested world orders. Rising powers, non-state actors, and the politics of authority beyond the nation-state. *WZB Discussion Paper*, No. SP IV 2014-107. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).
22. Streeck, W. (2011). The crises of democratic capitalism. *New Left Review*, (71), 5–29.
23. Tallberg, J., & Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: Introduction and framework. *The Review of International Organizations*, (14), 581–606. <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7>
24. Teubner, G. (1998). Legal irritants: Good faith in British law or how unifying law ends up in new divergences. *The Modern Law Review*, 61(1), 11–32.
25. Vakhrusheva, E.A. (2020). Pravosudie perehodnogo perioda kak koncept i praktika: politologicheskij analiz [Transitional justice as a concept and practice through the prism of political science]. *Antinomies*, (4), 65–81. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10404>
26. Voeten, E. (2013). Public opinion and the legitimacy of international courts. *Theoretical Inquiries in Law*, 14(2), 411–436. <https://doi.org/10.1515/til-2013-021>
27. Weiler, J. (2013). Judging the judges – apology and critique. In A. Adams, H. de Waele, J. Meeusen, & G. Straetmans (Eds.), *Judging Europe's judges*. (pp. 235–254). London: Hart Publishing.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Панкевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru

Information about the author

Natalia Vladimirovna Pankevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-1754>, e-mail: n.pankevich@yandex.ru
